

В АМЕРИКУ ОСТАЛОСЬ ТОЛЬКО ВЕРИТЬ

— Как я ненавижу американцев! — восьмилетняя Маша серьезно, по-взрослому нахмурилась. Наше занятие в воскресной школе еще не началось, оставалось еще минут десять. Если честно, я больше всего люблю именно эти минуты перед началом урока, когда мои маленькие слушатели рассказывают, перебивая друг друга, о том, что интересно им, а не мне, их учителю.

Это были дни американской агрессии в Ираке, но, разумеется, на уроке Закона Божия я вовсе не собирался обсуждать эту тему. И вот — на тебе: совершенно неожиданно возникла перспектива этакой политинформации вперемешку с напоминанием о необходимости христианской любви к ближнему. Детские вопросы, как известно, самые трудные. Что мне было сказать? Если бы собеседники мои были повзрослее, может быть, тогда нужно было вспомнить недавнее прошлое нашей собственной истории, когда бездействии России во время агрессии НАТО на Балканах по сути растоптало надежду сербов на поддержку русских. Нужно было бы, наверное, сказать, что Россия — это не только те люди, которые в Кремле принимают какие-то решения (или, наоборот, не способны принять, когда это необходимо, никаких). Это еще и те ребята-добровольцы, которые в свои двадцать два — двадцать три уже «положили души свои за други своя» где-то под Сараевым или Приштиной. Это, в конце концов, и мы сами, прекрасно понимающие, что политика Белого дома — это еще не весь американский народ. Хотя...

Нынешние дети — это не мы в детстве. Наверное, если сейчас сказать все это даже восьмилетним моим ученикам, — я думаю, они поймут.

Тогда же я только смог немного им рассказать о тех американцах, с которыми мне довелось быть знакомым и которых я не могу ненавидеть. О том, что это замечательные верующие люди, православные христиане, точно так же переживающие все происходящее сегодня. Нет, наверное, все-таки гораздо сильнее, — ведь традиции американского народа (как ни непривычно это звучит) не во всем и не всегда были основаны на тех принципах, которые двигают ныне мощные военные группировки армии США по всему земному шару. Или — всегда?

Уже возвращаясь из воскресной школы, я вспомнил, как за несколько дней до этого в электричке две сидевшие напротив меня девчущки лет девяти-десяти напрочь рассеяли мой полубессознательный «автопилотный» сон. Одна из них, худенькая и очень бледная, почему-то молча плакала, а ее подружка, пухленькая, в очках, с двумя толстыми косами, пыталась ее чем-то утешить. Грохотали колеса, и слов, конечно, я не слышал.

Худенькая продолжала хлюпать носом, вытирая покрасневшие глаза. Но тут вдруг толстушка повысила тон и выдала это «политическое заявление»: мол, американцы — бессовестные захватчики, и причина войны в Ираке — это нефть. Я сделал над собой усилие, чтобы не улыбнуться — хотя чему тут улыбаться? Все верно, только уж слишком непривычно слышать такое из уст детей.

И вот что самое интересное: после этой реплики слезы у худенькой плаксы мгновенно прекратились, и началось самое оживленное обсуждение животрепещущей темы — иракской войны.

А еще в те дни я как-то увидел по телевизору очередной выпуск военных новостей. Фраза: «Наиболее ожесточенные бои идут на берегах Евфрата в районе древнего Вавилона» произвела какое-то странное, почти мистическое впечатление. Пахнуло ветхозаветным духом, чем-то древним и первобытным. Как будто пульс человеческой истории от обострения инстинкта самосохранения забился в моем собственном виске. Или, может быть, я каким-то непостижимым образом перенесся в прошлое и вспомнил то, «что было не со мной», — бои на берегах наших русских рек, бомбежки наших древних городов и разрушение наших святынь?

Но вдруг стало понятно, что «нет ничего нового под солнцем».

И когда мы говорим об истории человечества, это не всегда глаголы в прошедшем времени.

«Господи, покарай Америку» или — «Прости им, ибо не ведают, что творят»?

«Дух дышит, где хочет», — значит, и там, в этой самой Америке. И Его дыхание там точно так же, как и здесь, в России, способно (вдруг или постепенно, не важно) заставить любого человека почувствовать, что

в этом мире нет ничего важнее моих отношений с Богом. *Мои личные* отношений. Такое и происходит довольно часто. И там, где подобное случается, уже никакие штампы, вроде: «Ничего личного, это просто бизнес», не работают, это мгновенно осознает любая душа, пережившая встречу с Богом.

Америка с ее скудной историей с готовностью откликается на любую возможность привнести в собственную культуру нечто (хотя бы что-нибудь) традиционное, укорененное в истории. Любую мелочь, пусть даже реконструированную «под старину» (желательно европейскую).

Удивляет, конечно, то, что при всем кажущемся стремлении к ассимиляции любых культурных и религиозных идей, с которыми американское общество сталкивается, оно почему-то разрушает эти традиции и идеи. На самом деле: много ли в современной американской культуре сохранилось следов древних индейских цивилизаций? А пресловутая «черная Америка» — насколько она является продолжением культурных традиций африканских племен?

Разумеется, было бы слишком сильным заявить о том, что ни афро-, ни латиноамериканцы не сохранили свою национальную, культурную и религиозную самоидентификацию. Нет. Но в целом, общий уровень синтетических идеалов американского общества — это понижение планки по сравнению с традиционными ценностями того же, скажем, европейского христианства. Религиозно-культурный «бульон», замешенный в американском котле, удивительным образом переварил и растворил в себе самые различные продукты цивилизационных процессов, культурные и религиозные течения.

Причем, повторимся, это актуально и для религиозной сферы. Общий для современного западного общества кризис веры и гипер-материализм, зародившись в средневековой Европе, свою настоящую родину обрел в Новом Свете. И вот именно в этом смысле американская культура действительно очень традиционна, ибо в религиозно-философских, мировоззренческих вопросах она продолжила дело европейских реформаторов христианства. Справедливости ради необходимо добавить, что, помимо христианских корней, древо американской культуры питали и питают в том числе (и не в последнюю очередь) иудаистские корни. Кстати, и в этом случае мы имеем дело не с традиционным библейским иудейством как исторически гораздо более древним явлением, но с таким же клоном, переделкой, превратившей монотеистическую религию ветхозаветного Израиля в талмудический иудаизм.

Что же? Если в споре с «американским образом жизни» проиграли даже религиозные учения (западное христианство и иудаизм), значит и сам этот феномен — не просто некий стиль, прикладная философия потребительства, но *религиозное* течение, более мощное потенциально и актуально? На первый взгляд дело обстоит именно так.

Интересно, что за свою короткую историю Америка быстрее всего «пережила» именно христианство

(оговоримся снова: западное реформированное христианство). Недавние дебаты в Конгрессе по поводу удаления из текста официальной присяги американскому флагу слов «Один народ под Богом» — видимо, уже отголоски битвы, которая в общем и целом завершена. Америка «справилась» с христианством, выработав против него иммунитет. Кого только поздравить с этим достижением?

Поэтому, даже если условно принять высказывание, что Америка была основана как христианское государство, сейчас придется признать, что, скорее всего, недолговечность христианской традиции на общем религиозном фоне этой страны вполне закономерна. И вызвано это внутренней, сущностной недоброкачественностью, какими-то недостатками, кроющимися либо в христианстве, либо в самом обществе. Здесь нет необходимости строгого выбора, неразрешимой дилеммы. Очевидно, справедливо и то, и другое.

Реформированное христианство — это уже не христианство, так же, как (позволим себе такой приземленный пример) отреставрированные дома в «тихом центре» Москвы — это уже не исторические особняки, ибо, кроме фасада, они не сохранили более ничего, что связывало бы их с прошлым. Да и фасад — и тот с зеркальными оконными стеклами, отливающими жутковатой краснотой...

